

М. ГРИНБЕРГ

«Абесалом и Этери»

Премьера в Большом театре

Об этом спектакле можно написать по-стороннему статью, восточая популярно похваляя и творчеству Палиашвили, и Большому театру, и режиссеру Симонову, и другим его создателям и участникам. По лам не хочется делать этого, — это было бы прежде всего прелесть во всем стиле и характерном поводе спектакля. Ибо «Абесалом и Этери» той же, как и два его главных героя, как будто бы — единственном скромности, побуждающего благодарности, какой-то особой чистоты и целомудренности.

По этим чертам мы распознаем истинное произведение искусства: оно всегда чувствуется крепкой лозой, вересковой фалликой, «шерней» шипуры и внешнего блеска.

Таков произведение искусства — «Абесалом и Этери». Такова прежде всего сама опера Палиашвили — создание истинно гениальное. Ее сюжет, заимствованный из древнегрузинского сказания «Этери» — полог новизны и классической романтики. По пяти сказочности и романтика глубоко реалистична. «Абесалом и Этери» — поэма любви и смерти. Тема ее — матрирүүлა, существующая по множеству вариантов, тема о Ромео и Джульетте, тема, которую мы встречаем и в узбекской сказке о Фатхалло и Ширин, и в киргизской легенде об Айчурек и Семетее.

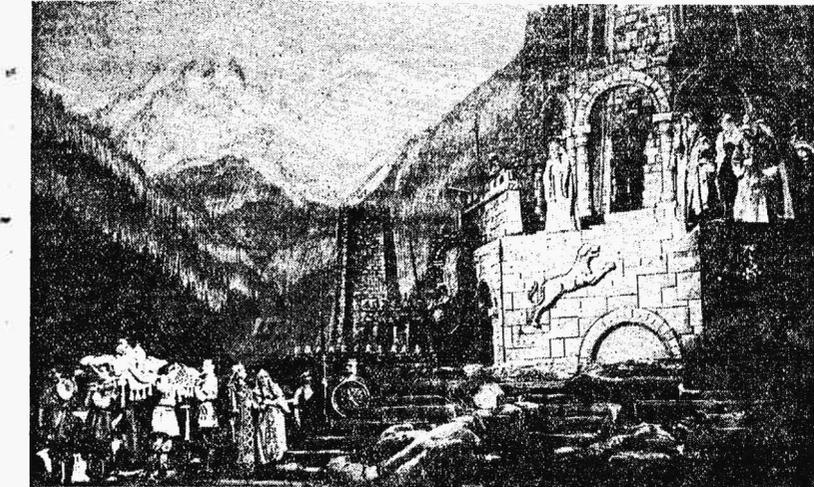
Композитор З. Палиашвили музыкально воссоздал «Абесалом и Этери» как лирико-эпическое парадное сказание. Его опера по существу — трагедия. Как в трагедии, музыка «Абесалом» расширяет драматический смысл событий, почти не прибавляя избирательный жанровой музыкальной живописи, и, собственно говоря, даже не расширяя на сценическую иллюстрацию.

«Абесалом и Этери» можно было бы только слушать.

Вопиющая часть в «Абесаломе» проваляется над чисто оркестровой. Мелодическое богатство «Абесалом» непереносимо. Ласк монция, величавая река, мистические и спокойно несущая свои воды, — лавина, и непрерывающиеся мелодическое движение льется чудесная музыка Палиашвили. Все в ней плавное, все напоено стихией грузинского невожа.

Хоры — лучшее в музыке оперы Палиашвили. Они дают образ народа с парадической правдивостью и художественной силой. Новое слово и по столь различию музыкально обработаны индивидуальные герои оперы — в «обитности» Этери. В докторной же моменты — мы имеем в виду, например, арию Абесалома в III действии, вообще несколько «инструментальную» — музыка даже теряет в какой-то мере свою национальную непосредственность и обаяние и сближается на европейский «оперный» стиль. Все это, конечно, не может несколько изменить нашего отношения к замечательному произведению оперного искусства. «Абесалом и Этери» — жемчужина мирового оперного искусства.

Репарат, что актеры Большого театра в «Абесаломе» еще не овладели грузинской «спелендиной». Их наш взгляд, что это совсем верно. Жаль, конечно, что отговинки в I-й картине прыгают со скалы еще подросточно «по-грузински». Однако дело ведь не в этом. Вопрос куда более сложный и трудный. Водь в данном случае речь идет о постановке грузинской оперы в советском русском театре. Верно передать национальную форму, национальную манеру исполнения — это значит верно передать художественные идеи произведения и пахерия его автора. Оплачивает ли

Государственный академический Большой театр СССР поставил оперу композитора З. П. Палиашвили «Абесалом и Этери». На снимке: сцена четвертого акта оперы.

Фотохроника ТАСС.

это, что, ставя «Абесалома», Большой театр должен был дать простую фотографическую копию с постановки «бывшего» театра? Никуда слонами — дажки был отбавлять от своего собственного стиля, от своей творческой манеры? Думаем, что нет. И не только этого, что настоящее искусство не терпит копий. Огромную ценность представляет спектакль «Абесалом и Этери» в Большом театре именно потому, что мы находим здесь гармоничное соединение двух культур, их взаимное оплодотворение. Скажем прямо, — то, что внесли актеры Большого театра в партергаитию «Абесалома и Этери», на наш взгляд, но только но неважно и не обесценило национальный грузинский стиль оперы, но в какой-то мере обогатило его. Русская речь, русская манера декламации, русские хорострофические традиции (грузинские тапцы, исполняемые солистами Семеновым, Кузнецовым, Поповым и всем балетом, — на наш взгляд, превосходные), все это придало новое, своеобразное и яркое краски спектаклю грузинской оперы. Наблюдая это интересно и поучительно, жаль же, как интересно и поучительно подступать, скажем, «Евгений Онегин» Чайковского в интерпретации грузинского оперного театра. Это отнять не пришло к неважно стилям, к отказу от запад-

ного своеобразия. Речь идет лишь о процессе синтезирования национальных культур, процессе естественном, неизбежном, идущем в нашей стране уже давно, чрезвычайно важным и плодотворном.

И вот если о этих вещах оценивать по усвоенной работе Большого театра, то можно признать, что театр дал по только свою интересную и глубокую трактовку «Абесалома и Этери», но и что трактовка эта в целом убедительно передает национальный колорит оперы Палиашвили. Приглядываясь внимательно и детально разбирая спектакль, видишь, что, конечно, не все еще в этом смысле завершено. Многие еще находятся в процессе формирования, становления. Как не понять слова, что Круглякова интонирует партию Этери чуть-чуть на русский лад. В этом отношении, русские хорострофические традиции (грузинские тапцы, исполняемые солистами Семеновым, Кузнецовым, Поповым и всем балетом, — на наш взгляд, превосходные), все это придало новое, своеобразное и яркое краски спектаклю грузинской оперы. Наблюдая это интересно и поучительно, жаль же, как интересно и поучительно подступать, скажем, «Евгений Онегин» Чайковского в интерпретации грузинского оперного театра. Это отнять не пришло к неважно стилям, к отказу от запад-

ного своеобразия. Речь идет лишь о процессе синтезирования национальных культур, процессе естественном, неизбежном, идущем в нашей стране уже давно, чрезвычайно важным и плодотворном.

И вот если о этих вещах оценивать по усвоенной работе Большого театра, то можно признать, что театр дал по только свою интересную и глубокую трактовку «Абесалома и Этери», но и что трактовка эта в целом убедительно передает национальный колорит оперы Палиашвили. Приглядываясь внимательно и детально разбирая спектакль, видишь, что, конечно, не все еще в этом смысле завершено. Многие еще находятся в процессе формирования, становления. Как не понять слова, что Круглякова интонирует партию Этери чуть-чуть на русский лад. В этом отношении, русские хорострофические традиции (грузинские тапцы, исполняемые солистами Семеновым, Кузнецовым, Поповым и всем балетом, — на наш взгляд, превосходные), все это придало новое, своеобразное и яркое краски спектаклю грузинской оперы. Наблюдая это интересно и поучительно, жаль же, как интересно и поучительно подступать, скажем, «Евгений Онегин» Чайковского в интерпретации грузинского оперного театра. Это отнять не пришло к неважно стилям, к отказу от запад-

равности, столько трагического скорбного величия, что массовые сцены в опере просто восхищают. К тому же хор Большого театра, за исключением отдельных двух-трех мест, поет в «Абесаломе и Этери» очень хорошо. А от таких величественных хороших эффектов, как замечательная хор в IV акте, у слушателя просто дух захватывает.

Намного удачи в спектакле пока у акт. Здесь много несного, неопределенного, непадежного. Этот акт не удачи и режиссеру, и исполнителям, и художнику. Работа Ритдига вообще по совсем ронца в «Абесаломе». Первые две картины его просто разотпротривают. Зато прекрасное оформление II акта. В III акте удачно найден великолепный эпизод — уход Этери и Мурмана — эти две фигуры на фоне темного ночного неба поэтически проработаны и вкаты прямо как будто из древнегрузинской трагедии.

Величайшим «соловьем» Симонова в спектакле является дирижер Мелик-Пашаев. «Абесалом и Этери» — одна из самых удачных работ талантливого дирижера. Все сложнейшую партитуру, все огромнейшее богатство ее Мелик-Пашаев повелось в вдохновенным и прекрасным мастерством.

Постановка «Абесалом и Этери» — лучший образец того, какими могут и желаны быть спектакли нашего Большого театра. «Абесалом и Этери» по чужью спектаклю об огромных, не потерял, к сожалению, реальных возможностей театра. «Абесалом и Этери» роста отсталости от многих прежних работ. Большого театра и по своей культуре и по своему художественному вкусу. Все это, конечно, мы бы хотели, чтобы все спектакли, весь репертуар ГАБТ в этом смысле равнялся по этой великой работе. Ибо можно смело утверждать, что «Абесалом и Этери» сейчас — это лучший спектакль Большого театра.